

Консультант по дурацким вопросам
Объекты в зеркале заднего вида
Абсолютные миротворцы
Чужая Земля

Пролог

*Об июля, аэродром базового лагеря
экспедиции МВО РФ на «Зэ-два»*

Помню, как сейчас: я стоял на краю летного поля, а экипаж Чернецкого шел к своему конвертоплану, и командир смотрел куда-то вдаль, не замечая никого, зато второй пилот мне подмигнул.

В темно-синей форме гражданской авиации они все были очень красивые и деловые, прямо хоть лети с ними вместе спасать мир, но вот нутром понимаешь, что им — можно, а тебе нет.

Небо закрыто до особого распоряжения, и если эти бедовые парни решили, вопреки запрету, подняться в воздух по неотложному героическому делу, ты-то не дергайся. Ты же не герой.

Следом за экипажем шли геологи, которым тоже летать нельзя, но в своих защитных робах они смотрелись рядом с авиаторами как багаж, демонстрируя всем видом, что, раз Чернецкий задумал грузить балласт, ему лучше знать. А ты расслабься, жуй травинку и не мешай подвигу. Зря, что ли, тебе подмигнули.

День выдался пасмурным, едва ли не впервые за все жгучее местное лето, и ветерок шелестел степным ковылем. Впереди, за границей летного поля, не было ничего, что напоминало бы о че-

ловеке, только серая равнина до горизонта. Если смотреть туда, можно, наверное, притвориться, что никого нет вокруг и ничего не происходит. Или закрыть глаза и, слушая тихий шепот степи, улететь мыслями далеко-далеко.

И хоть на миг забыть, где мы сейчас и сколько наших здесь навеки.

Непозволительная роскошь.

Травинку я жевал и глазел по сторонам не ради безделья: стояли мы тут с великим вождем Унгусмáном по прозвищу Тунгус, имея беседу на актуальные темы внутренней политики. Смотреть на верховного правителя династии Ун, когда он с тобой говорит, невежливо, но совсем опустить очи долу не позволял уже мой персональный статус. Пришлось, наострив уши, озираться туда-сюда — то на далекую глинобитную стену местной столицы, где мудро и жестко правит Тунгус, то на домики нашей базы, где свирепствует начальник экспедиции полковник Газин. В обоих случаях зрелище не радовало.

Я слишком хорошо знал, что творится там, внутри.

И слишком хорошо видел, как крепко мы влипли.

А на орбите звездолет, только нас не заберет.

Очень не вовремя я вспомнил, что путь домой закрыт. Моя третья вахта за двадцать световых лет от Земли подходит к концу, но вряд ли завершится. Мои навыки дипломата больше не имеют значения, я никому не могу помочь, от меня никакого

толку. День за днем я честно тяну лямку рядового члена экспедиции и мог бы в том найти утешение, да не получается. Временами так устаю, что готов сдохнуть, но даже на это не имею права...

И тут летчики пошли к своей машине. Пока я пытался сообразить, что за авантюру они замышляют, Тунгус весь подобрался, двухметровая антрацитовая громадина, и сделал короткий едва заметный жест от живота, будто оттолкнул Чернецкого тыльной стороной ладони. У аборигенов это универсальный знак сопричастности и пожелания скорейшего исполнения задуманного.

Чернецкий вдруг оглянулся через плечо и кивнул Тунгусу.

Грешным делом, я испытал вместе с недоумением известное облегчение. Вождь меня совершенно измучил, приятно было отвлечься.

Не знаю, объяснит ли это мое замешательство, но великий вождь Унгусман действительно великий, у нас таких не делают. Видит насквозь все живое, а оно его слушается. Даже лютые степные псы виляют перед ним хвостами, словно земные собаки... И когда этот ослепительно черный и оглушительно харизматичный дядька начинает на тебя давить, а ты согласно этикету жуешь травинку и делаешь одухотворенное лицо, — ей-богу, даже война обрадует.

Обычно вождь меня не плющит своим величием, держит за равного. Мы знакомы три года, Тунгус зовет вашего покорного слугу другом и сегодня

чисто по-дружески так наступил на горло, что я счастлив был отдышаться хоть самую малость.

А Тунгус сказал, провожая летчиков взглядом:

— Хорошие парни, доброе задумали, почему ваши начальники запрещают им?..

И сам же ответил:

— Начальники боятся потерять силу управления. Понимаю. Сам такой. Иногда проще всё запретить, чем устранять последствия. Особенно в трудные времена. Но если находятся герои...

Я не успевал переводить слово в слово, но общий посыл был ясен. Тунгус пытался донести до меня простую мысль, что правильный вождь умеет замечать правильных героев. И даже когда всем запрещено всё подчистую, надо оставлять лазейки для хороших парней, задумавших доброе: вдруг они своим самоуправством выручат племя — не казнить же их потом.

Второй смысловой слой я тоже выловил: Тунгус деликатно намекнул, что очень уважает полковника Газина, но в нынешних обстоятельствах стоило бы наплевать на отдельные запреты, а то как бы не стало хуже.

Сдохнем же.

У местных есть аналог нашему понятию «интуиция», и Тунгус говорил, что в мирной жизни полагаться на интуицию глупо, зато в моменты смертельного риска именно ее надо слушать. Летчики, на взгляд Тунгуса, сейчас повиновались инстинкту и потому имели шанс на победу, а контрольная башня аэродрома, с которой вдруг начали орать

невнятное, но явно неприятное, — она как стояла на месте, так и обречена стоять, покуда не рухнет. Ну и заткнулась бы. Сошла бы за умную.

— Вот семеро смелых! — провозгласил вождь. — Запомни их, друг мой. Наверное, их потом накажут. Но такие, как они, проложили твоему народу дорогу к звездам!

Тунгуса так разобрало, что он даже руку положил мне на плечо, а другую эпически простер Чернецкому вослед.

Я ничего не понимал, кроме того, что вождь, в отличие от меня, все понимает.

Честно говоря, я не мог в тот момент нормально исполнять служебные обязанности, поскольку боролся с приступом паники.

Вождь пришел по вопросу, как я уже говорил, внутренней политики: он настоятельно советовал мне сделать ребенка его младшей дочери, прекрасной Унгáли. Тунгус знал, я буду против, а я вдруг подумал, что очень даже «за» — помирить так с музыкой.

Тут мне и стало дурно, впервые по-настоящему дурно за эти безумные полгода, когда на глазах развалилось все, и прахом шли былые достижения, и смерть дышала в затылок каждый божий день... Мы метались в поисках выхода, делали глупости, нарушали правила, теряли товарищей, это было естественно, и тогда я не чувствовал страха. Теперь — когда стало ясно, что полетела к черту моя профессиональная этика, — испугался. Значит, край настал. То ли сдают нервишки, то ли

я чую, как близко погибель, и мечтаю хоть под конец побыть нормальным человеком, которому можно просто влюбиться и не обманывать себя, будто он ходит во дворец вождя исключительно по долгу службы.

Помнится, когда меня тут заподозрили в жестокое убийстве с особым цинизмом, я не испугался вовсе, было просто грустно и немного даже смешно. А сейчас накатило — хоть плачь.

А великий вождь Унгусман, папуас этакий, не боится ничего, он считает, что у нас временные трудности и русские с ними совладают. Если не будут мешать своим героям, то совладают прямо сегодня.

Мы уже сами в себе разуверились, а инопланетянин — верит в нас.

Спасибо ему, конечно.

Тяжелая рука вождя лежала на моем плече, и профессионал во мне требовал анализировать это, а человек просто впитывал доброе тепло и пытался думать о хорошем.

А семеро смелых, растуды их туды, полезли в конвертоплан.

Глава 1

*Пятью месяцами раньше,
11 февраля того же года,
зона высадки экспедиции МВО РФ*

Полковник Газин дождался, пока снаружи осядет пыль, и сошел по аппарели так величественно, что впору было нести за ним красное с золотом. Русское боевое знамя, например.

За бортом челнока стояло жаркое марево, воздух дрожал и колыхался, солнце било из зенита, ярко вспыхнули звезды на погонах, — и я представил, как следом за полковником спускается знаменная группа с шашками наголо. Внушительно, черт побери. Местные оценили бы. Аборигены знают толк в воинских ритуалах.

Нашему сводному отряду знамени не полагаются. Газина это скорее устраивает: не надо охранять, нет шансов потерять. А если обстановка потребует, русский солдат всегда может сделать флаг Сухопутных войск из подручных материалов — простыни и крови. Полковник говорит, что именно такое полотнище должно, если почестному, развеяться над полем выигранной битвы. Постельное белье — наше, кровища — их.

Кто его знает, может, и не шутит.

Силуэт полковника на краю аппарели расплылся — господи, как же там жарко. Челнок сел точно

в центр «сковородки» — черного выжженного пятна, оставшегося еще от корабля разведчиков. Ради защиты окружающей среды, а на самом деле, чтобы все садились не там, где им понравится, а там, где удобно нам, пятно назначили космодромом. Его укрепили, залив огнеупорной смесью, оно теперь гладкое и блестящее и с началом местного лета превращается в натуральную адскую сковороду.

Коллеги из одной дружественной страны потратили два литра виски, чисто по-приятельски допытываясь у меня, правда ли, что под «сковородкой» русские зарыли бомбу. Когда оба заснули на столе, я догадался: ну какая бомба, хватит и того, что место пристреляно.

Кто знает, может, так оно и есть.

Тем временем полковник замер, приготовившись сделать исторический шаг — опять, в третий раз уже, ступить на планету, у которой до сих пор нет официально утвержденного названия. Пока ничего не ясно, англоязычные говорят «Терра Нова», а русские — «Зэ-два».

Многие были бы рады услышать «окончательное решение ООН по аборигенам», но принять его верховная бюрократия Земли не может, потому что инопланетная бюрократия великого вождя Унгусмана забодала ее с разгромным счетом. Кто бы мог подумать, что туземный мелкий царёк — ну ладно, мужик-то он здоровый, — перессорит между собой могущественных землян. И наша славная раса звездoproходцев и строителей поведет себя, как шайка проходимцев и стяжателей, которым

только бы нагадить ближнему в карман. А долгожданная встреча братьев по разуму превратится в унылую профанацию контакта, затянувшуюся на годы. С сопутствующими политическими играми, драками под ковром, перетягиванием одеяла и прочим идиотизмом. И стойким ощущением, что, пока мы пытаемся изучать туземцев в разрешенных нам пределах и продвинулись, мягко говоря, не очень, сами туземцы изучили нас вдоль и поперек, взвесили, обмерили, сделали выводы и менять своего решения по землянам не собираются.

Аборигены просто не понимают, в чем наша проблема, и ждут, пока мы возьмемся за ум. Они тут умеют ждать, для них сотня лет вообще не срок. Но все, что можно сделать быстро, они делают очень быстро, и им странно видеть, как мы на ровном месте тормозим.

Они считают, что русские — славные ребята, но идиоты тоже изрядные.

Полковник Газин подозревает, что примерно так же к нему относится подполковник Брилёв.

По мне, так оба хороши.

По случаю высадки Газин чуть было не назначил всем парадную форму одежды, но начальник штаба майор Мальцев вовремя напомнил, что на «сковородку» в голой степи за полкилометра от нашей базы наносит ветром сухую землю и песчаный смерч от выхлопа челнока гарантирован. Полковник вздохнул и приказал надеть «парадку» Мальцеву, управлению отряда и себе. Остальных пожалел.

— Я же не зверь какой, — объяснил он. — Но чисто по-нашему, по-военному, надо коллегу уважить. Брилёв тут скучал полгода, а мы такие прилетели, а он такой на радостях сапоги начистил, личный состав отымел, территорию подмел, а мы такие выбегаем в камуфляже — здорово, Боря, передавай дела! Нет, товарищи, так не годится!

— Боря мог бы и космодром подмести тоже... — буркнул, не подумавши, Мальцев.

А когда подумал, заметно изменился в лице.

Газин тогда прикинулся, что не расслышал, но, помнится, глаза у него прямо загорелись. Подметать космодром, и желательно вручную, идея очень богатая, полковник ее оценил.

Будет теперь, чем заняться нашим славным воинам, если проштрафятся...

А сейчас полковник совершил исторический шаг.

Ну, всё, здравствуйте, с этого момента мы официально прилетели.

Как здесь говорят — придваземлились.

Вниз по аппарели компактной группой двинулось управление отряда и примкнувший к нему командир взвода спецназа.

Торжественная церемония передачи вахты состоится завтра, а сегодня просто встреча и доклад. Подполковник Брилёв подойдет к Газину строевым шагом, бросит руку к козырьку... А Газин будет делано улыбаться, подозревая: опять над ним творят утонченное издевательство, до того изысканное, что фиг поймешь. Злые языки шепчут,

что он всегда так думает, когда Брилёв отдаёт ему честь, последние лет тридцать, прямо с училища. Ибо Брилёв высок, хорош собой и интеллигентен, а Газин — коренаст, лицом квадратен и в целом простоват. Все остальное, включая боевые заслуги, не играет роли. У них личное. Высокие отношения.

Потому-то храбрый полковник сейчас не в степном камуфляже, а в зеленом кителе. Он еще и выпятит грудь, чтобы новенький орден бросился коллеге в глаза. Короче, уважит.

Еще на орбите заметно было, как Газин соскучился по всему этому.

— И вообще — положено, — сказал он. — Я же не зверь какой, но хотя бы управление отряда должно выглядеть. Символизировать должно! А вы, советник, как сочтете нужным. Не смею настаивать.

Я немного поразмыслил — и не счел нужным символизировать, то есть доставать из чемодана мундир. Замучаешься потом возиться с пылесосом. У меня, в отличие от некоторых, нет штатного порученца. Я вообще прикомандированный и один-одинешенек, единственный в своем роде специалист. Поэтому в отряде меня считают разведчиком. Даже начальник разведки майор Трубецкой. Но военные хотя бы стараются держаться в рамках, а ученые — не стесняются... А ведь если подумать, вот биолог Белкин — тоже не военный и тоже в количестве одного организма, и физиономия у него хитрая, я бы сказал, подо-